

Владимир Колабухин

г. Ярославль

Дознание Феррари

Солнце медленно опускалось в лазурную воду венецианской лагуны. Его лучи ярко высвечивали площадь Святого Марка, величественный собор и Дворец Дожей, десятки каналов с изумительными по архитектуре мостами и небольшую таверну «Весёлый дрозд». В таверне в глубокой задумчивости застыл за столиком уютной веранды, нависшей над водой Канала Гранде, необычный для такого заведения посетитель: старейший член Совета сорока – Верховного судебного трибунала республики – Энрико Феррари. Суровый патриций не замечал ни теплого дыхания заходящего солнца, ни удивительных эффектных отражений в зеркальной глади канала монументальных дворцов, инкрустированных цветным мрамором и украшенных мозаикой и позолотой, ни тревоги тучного хозяина таверны, то и дело предупредительно заглядывавшего на веранду к неожиданному грозному гостю. Феррари, вершителя человеческих судеб давно волновало лишь то обстоятельство, в котором он оказался на закате своей судебной деятельности: один из обвиняемых, некий аптекарь Джованни Росси, на вид тщедушный и недалёкий, ускользнул от расплаты.

Феррари с трудом поднял тяжёлые веки, обвёл недоумевающими глазами террасу. Да... именно здесь прошлой весной, вот за этим столиком погубил доброго человека

коварный аптекарь. День в день год назад, поздним летним вечером, Джованни распил со своим молодым помощником Рикардо кувшинчик красного вина, и через несколько минут тот умер в муках. Было учинено расследование. Когда проверили остатки вина в обеих кружках, оно оказалось отравленным. На Джованни, оставшегося живым и здоровым, пало подозрение в убийстве: аптекарь имел дело с ядами и, по слухам, волочил за женой Рикардо, красавицей Анжелой. Однако прямых улик не было – пили вместе одно и то же вино. Правда, как удалось установить Феррари, незадолго до роковой выпивки в таверне аптекарь резко изменил ритм жизни – стал спать не по ночам, а днём. Совет сорока счёл его поведение странным, но не уличающим и отпустил Джованни на свободу, несмотря на возражения Феррари.

С того самого дня 1503 года многое изменилось в Венеции, у людей появились новые заботы. Но Энрико Феррари потому и оказался сегодня в этой старой таверне у Большого канала, что никак не мог забыть о злодействе. Беспокоила и загадочно-насмешливая улыбка, скользнувшая по лицу Джованни, когда тот, довольный решением Верховного трибунала, покидал его мрачные стены. Да и весь многолетний опыт Феррари, его ум и чутьё подсказывали, что худосочный, блудливый аптекарь и есть тот злодей, сгубивший доверчивого Рикардо. Но как это доказать? Ведь аптекарь тожепил отравленное вино и... остался жив. Невероятно!.. Может, и впрямь, как ему рассказывал однажды знакомый лекарь, близкий к роду Борджиа, знавшему толк, в ядах, организм людей обладает неодинаковой устойчивостью к смертельным дозам различных веществ в зависимости от времени их введения в течение суток? И что в один период времени они могут убить, а в другой, даже в большей дозировке, остаются безвредными, а наивысшая сопротивляемость им – утром?

А Джованни? Пил отравленное вино вечером. Или для него это было – как раннее утро?

В голове Феррари будто разорвалась молния. Он рванул на груди тесёмки чёрного атласного плаща, чтобы легче дышалось, и громко хлопнул в ладоши:

– Хозяин!

Тот словно ждал этого зова, мгновенно вырос перед столиком.

– Слушаю, сеньор!

– Бутылочку вина и пару бокалов.

Заказ моментально был исполнен.

– Можно? – услышал Феррари знакомый вкрадчивый голос, и сердце его замерло на миг.

Да! Аптекарь не изменил привычке проводить воскресные вечера в таверне, и значит, он, Феррари, просто обязан не упустить сегодня свой шанс раскрыть наконец тайну Джованни Росси.

Феррари повернулся к двери:

– Входи, Джованни, входи. Я давно жду, – отозвался он и указал на свободный дубовый стул. – Садись.

Вошедший – невысокий, узкоплечий, лет сорока мужчина, одетый в скромную поношенную блузу зеленоватого цвета, – испуганно попятился.

– Ну что ты, Джованни? Смелее. Это же твоё любимое место.

Аптекарь нерешительно топтался в узком проёме.

– Отведаем? – предложил Феррари, показав на бутылку.

Тот неуверенно кивнул.

– Скажи мне, Джованни, – опять обратился к нему Феррари, когда они отпили из бокалов, – всё-таки это ты отравил Рикардо?

Аптекарь вздрогнул и отрицательно замотал головой.

– Ну-ну, Джованни. Опять ты за своё. Уж покайся, облегчи душу.

Джованни и на этот раз не произнес ни слова, лишь нервно потянулся к бокалу. Осушив его, он продолжал молчать. Феррари ждал. И вот лицо аптекаря порозовело, он осмелел и с дерзкой ухмылкой бросил:

– Кто теперь докажет?

– Я, – сказал Феррари.

– Как же?

– Фактом твоей смерти, – невозмутимо ответил Феррари. – Отказавшись покаяться, ты подписал себе смертный приговор и сегодня умрёшь.

– Вы не посмеете... Верховный трибунал не простит вам, он признал меня невиновным.

– Посмею, Джованни, посмею. Своей смертью ты оправдаешь меня.

– Как это?!

– Я дал тебе яд, ты выпил его с вином из этой бутылки, и теперь часы твоей жизни сочтены.

Феррари впился глазами в лицо охваченного страхом аптекаря. Тот вдруг застонал и схватился за горло.

– Вы дали мне яд?

– Да, так что покайся, и, быть может, я успею позвать для тебя лекаря.

– А для себя? Вы тоже пили это вино!

– Я последовал твоему давнему примеру не спать по ночам. А вот ты, как я слышал, вернулся к прежнему образу жизни. Значит, организм твой сейчас не будет сопротивляться отраве. Я разгадал твою тайну, Джованни? Ты ведь так поступил с беднягой Рикардо?

Джованни сполз со стула и, скорчившись, закатался по полу.

– Помогите, – сдавленно простонал он вновь.

Феррари встал, шагнул к нему и спросил:

– А ты покаешься, Джованни?

– Да. Да...

«Уловка удалась, – довольный собой, подумал Энрико. – Да иного исхода и быть не могло!»

Он выпрямился, хлопнул в ладоши:

– Хозяин!

Тот мгновенно вырос перед ним.

– Слушай и запоминай, хозяин.

А Джованни, стоя у ног Верховного судьи, уже торопливо каялся в содеянном злодействе.

Неожиданно он захрипел, глаза его закатились, на губах появилась пена.

Что-то дрогнуло в душе Феррари. Прежняя неприязнь к аптекарю сменилась тревогой: «И впрямь, не отошёл бы он в мир иной...»

– Что с тобой, Джованни? Я согрешил, обманул тебя.

Но тот судорожно дёрнулся и упал, раскинув руки.

– Святая Мадонна! – воскликнул хозяин таверны. Он опустился на пол рядом с аптекарем, расстегнул его блузу, приложился ухом к груди.

– Умер, – сказал он со вздохом. – Сердце, должно быть, не выдержало.

Феррари устало закрыл глаза и перекрестился: «Прости всех нас, Господи!..»